

В.В.Филиппова (Сыктывкар)

**К ВОПРОСУ О НАРОДНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ**

(на примере жанровой классификации коми фольклора)

Современная фольклористика является в определенной степени междисциплинарной наукой, предметное поле которой — явления и факты вербальной духовной культуры народа во всем их многообразии. При комплексном подходе к исследованию данной темы охватываются практически все стороны духовной культуры и намечаются новые подходы в изучении достаточно известного материала.

В последние годы филологическая наука представила ряд трудов нетрадиционного характера, посвященных “описанию народного менталитета через язык и тексты народной культуры” (Никитина, 1993, с.3). Преимущественно это работы по этнолингвистике под руководством Н.И.Толстого (Виноградова, 1989; Толстой, 1982; Толстая, 1986; Цивьян, 1990). Достаточно интересно в этом направлении работает С.Е.Никитина, занимающаяся особенностями языкового сознания на материале старообрядческой культуры (Никитина, 1993). Из последних трудов по пермской филологии следует назвать монографию Т.Г.Владыкиной “Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики” (Ижевск, 1998). В этой связи представляется необходимым обозначить такое понятие, как “устная народная культура”, включающее в себя и устное народное творчество (фольклор), и область диалектной речи, и тайные профессиональные языки (Бондалетов, 1987). Известно, что категория «устность» определяет тип культуры в целом, возможно выделение двух форм коллективной памяти — устной и письменной, что актуально для исследований, посвященных народной культуре (Лотман, 1987).

Как отмечает С.Е.Никитина, изучение текстов народной культуры может иметь различную направленность, но в любом случае исследователь обращается к личности. Активизируется еще одно понятие, введенное в свое время В.В.Виноградовым и незаслуженно забытое — языковая личность, признаками которой являются языковое сознание и языковое самосознание — часть культурного самосознания. Языковое народное сознание — воплощение народного миропонимания в языковой форме, в языковых стереотипах, из которых строятся тексты малых и больших жанров фольклора (Никитина, 1993, с.7-10).

Существует много трудов, посвященных народному миропредставлению, выраженному в традиционных текстах, и традиционному поведению, но практически не обращается внимание на то, что сам народ говорит о своем языке и культуре, какие вопросы ставит и что отвечает. Между тем самопознание является неотъемлемой частью народной культуры. В этой связи были предложены специальные термины для обозначения столь нетрадиционных объектов — народное языкознание, народная фольклористика, народная герменевтика, составляющие народную филологию, имеющие свой метаязык (терминологию) и метатексты (тексты, объясняющие и оценивающие другие тексты) (Никитина, 1993, с.19). Народная филология обычно тесно связана с народным музыкознанием и шире — с народной эстетикой, но для фольклориста привлекательным является материал, непосредственно связанный с вербальными фольклорными текстами. Самостоятельным исследованием является проблема жанра в народной фольклористике. Устная народная культура дает целый корпус высказываний о формальных, содержательных и функциональных признаках жанра,

для определения жанровой принадлежности располагает разработанной системой терминологии. Как подчеркивает С.М.Толстая, народная терминология может быть важным источником реконструкции духовной культуры, так как в этом плане существенными являются такие функции народной терминологии, как консервирующая, конденсирующая, архаизирующая, сакрализирующая, интерпретирующая, продуцирующая (Толстая, 1989).

Народная жанровая терминология фольклора, коми, в частности, предмет данного исследования, так как практически нет работ, посвященных этой теме, хотя в свое время при составлении трехтомного издания "Коми народные песни" А.К.Микушевым, П.И.Чисталевым был собран значительный материал по народной фольклористике. Для представления полноценной жанровой системы коми фольклора, адекватного прочтения текстов необходимо привлекать все известные материалы, в том числе и народную жанровую терминологию, носящую квалифицирующий характер. Термины, консервирующие и конденсирующие народные знания о своем музыкальном и словесном творчестве, являются ядром соответствующих текстов-квалификаций (Толстая, 1989). Прежде всего в названиях жанров или внутрижанровых разновидностей маркируются главные элементы коммуникативного акта: говорящий (информатор) и цели его высказывания; аудитория (слушатель) и его реакция; передаваемый текст; цель сообщения; время и место; сопутствующие предметы и действия (Никитина, 1993, с.27).

Наиболее интересным с точки зрения осознания текста и его квалификации является комплекс обрядов жизненного цикла и обслуживающие их тексты. Обращает на себя внимание наиболее регулярный жанр всех переходных обрядов — причитание — ритуальный язык переходной личности. Для номинации данного жанра в фольклористике используется термин "бёрддчанкыв", однако в каждой локальной традиции существует вариант термина, маркирующий те нюансы в манере исполнения, характере, которые не передает научный термин: плаканьё (л.) бёрданкыл (Крч), горзанкыл (с). Носители традиции особо указывают на манеру причитывания: *Бёрдны нюжйёдлёмён, лывкйёдлёмён* — причитать растягивая, *лыддьёдлыны* — причитать, приговаривая, *сьылігмоз бёрдны* — причитать с пением. Для носителей локальной традиции принципиально значимым является способ голошения, что также осознается и отмечается исполнителями. Так, традиция выработала соответствующие термины, обозначающие групповую манеру голошения: "бёрдэдчысь" — запевала, "ноолэдлысь" — ведущая, "ортсалысьяс" — подголосницы-помощницы. Большое количество вариантов обусловлено прежде всего наличием диалектных эквивалентов слова "бёрдны". Таким образом, народные термины в определении жанра причитаний подчеркивают манеру и характер исполнения, звуковое наполнение, особенности словесного и музыкального исполнения.

Причитание — жанр, имеющий порождающее, генеративное начало, в частности, наиболее полно указанное качество проявляется в ижемской локальной традиции, где причитание обслуживает не только обряды жизненного цикла, но и календарные обряды, в частности, проводные обряды Иванова дня и Петрова дня, связанные с изгнанием клопа и чертополоха. Экспансия жанра и ритуализация всей обрядовой и необрядовой жизни человека и коллектива породила новый жанр — по терминологии исполнителей “*дзоньтэм*” — производное от слова “*дзоньтыны*” букв. “сделать целым” (перевод А.К.Микушева). Уточним толкование, предложенное А.К.Микушевым, так как семантика слова “*дзоньтэм*” — ласкать, приласкать, голубить, приголубить (ССКЗД, 1961, с.105). Следовательно, функциональное назначение жанра — величание. По форме и мелодике данные тексты не отличаются от причитаний, но исполнители достаточно четко обозначают различие между ними: “*Бёрддчанкыв*” исполняется “*обидайсы*” (из-за обиды), а *дзоньтэм* — *жалысь* (потому что факт дорог исполнителю (История коми литературы, 1979). А.К.Микушев приводит следующее толкование-объяснение: *Спасибо грамафонэн волін да мянэс бёрдэдін да кызын (спасибо же тебе за то, что приезжал с магнитофоном к нам да нас послушал и заставил поплакать-причитать)* (перевод А.К.Микушева) (История коми литературы, 1979, с.228). Таким образом, это причет-благодарность, и метатекст, текст-квалификация позволили такого характера тексты отделить от основного корпуса причитаний. Несмотря на общность поэтики, метатекст выделил функциональное предназначение жанра, что важно и для исследования особенностей локальной фольклорной традиции.

Достаточно разнообразна народная терминология, обозначающая тексты обрядовой и необрядовой лирики. Маркируется функциональный признак — песня — *сьылдчанкыв*, отмечается и тембр, тип звукоизвлечения: *гёлёса*, *первой гёлёса* проголосьные, *юсь пöлян койд мича гёлёс* (голос, звучащий как свирель из озерного тростника), *гудок койд гёлёс* (голос как гармошка), *уплатной гёлёс* (снежный голос), *выя вöсни гёлёс* (масляный тонкий голос), *алой гёлёс* (алый глас), *аглицкой гёлёс* (англицкий), *юс гёлёс* (тонкий голос) (КНП, 1995, с.13). Наиболее часто маркируются: 1) место действия: *берег сьыланкыв* — песня, исполняемая на берегу реки весной или летом; *пирыв сьыланкыв* — застольная; *рытья* — исполняемая на игрищах (КНП, 1995, с.13); 2) календарная (сезонная или суточная) приуроченность: *тусоо ворсан сьыланкыяс* — весенние игровые песни; *арся сьылэччанкыяс* — осенние величальные песни (КНП, 1994, с.7). Ритуальные песни “Шондibanой гажа Валяйöй” (Солнцеликий Валяй) и “Гöгьль пö, Гöгьль” (Круг ведь ты, круг) имеют маркировку-термин “*йöлвыл дырся*” (масленичная) (КНП, 1993, с.270). Календарная приуроченность отмечается и в функциональном назначении песни “Гыр вöө валитчö” (Пест-конь ва-

лится) — *йѳѳ вежсон дырся* (КНП, 1995, с.236). Такие комментарии позволяют включить данные тексты в систему календарно-обрядовой поэзии, более того, именно такого характера квалификации подтверждают мысль о том, что в настоящее время следует говорить уже о разработанной системе календарно-обрядовой поэзии коми. Отдельные термины отмечают не только жанровые особенности лирики, но и указывают на разнообразные формы обрядовой жизни молодежи, на что также не обращается должного внимания. В частности, в ижемской традиции выделяются *лудын войлэм* — весенние игры на лугах и осенние посиделки — *войпукьяс* (КНП, 1994, с.7). О характере бытования трудовой песни “Гѳрим кѳ, гѳрим” (Пахали мы, пахали) записан следующий комментарий-метатекст: *Ворсѳгьясэн сьылѳм. Вундѳ-ген сьылам вѳлѳ. Вѳнь вѳчалѳгѳн.* (Пели на игрищах. Певали на жатве, готова свясла) (КНП, 1993, с.270). Песня “Тшуй-тшуй” исполнителями квалифицируется как “*рѳштво сьыланкыв*”, песня “Мича Марпазѳ” имеет следующую развернутую формулу-термин: *Рѳштво дырѳи круген бергалѳген сьылѳм* (В рождество в хороводах пели) (КНП, 1993, с.274 -275).

К номинациям такого рода следует отнести и термины, маркирующие характер и тип движения: *йѳктан* — плясовые; *ворсан* — игровые; *круга* — круговые (КНП, 1995, с.13).

Ряд терминов указывает на особенности генезиса текстов: *му пуксян-дырся* — старинная (букв. со времен образования земли); *дальнешной* — песня, заимствованная из другой традиции, дальней (КНП, 1995, с.13). Учитывается и половозрастная специализация репертуара: *мужской* — мужская; *бабский* — исполняемая женщинами (КНП, 1995, с.13).

Большое количество специальных слов называют структурные особенности словесного текста. Как отмечает С.Е.Никитина, предметом осознания может быть текст как структурная единица, структурное членение текста (Никитина, 1993, с.26). Достаточно регулярно маркируются зачин и конец песни. Песня, по мнению носителей традиции, имеет такие значимые элементы, как: *водзпом или первой пом* — зачин (букв. первый конец), *бѳрпом или мѳдар конеч* — концовка (букв. другой конец) (КНП, 1995, с.13).

Весьма любопытной, с точки зрения генезиса и бытования, является лексика, обозначающая наиболее поздний по происхождению жанр — частушку: *дженьыд* — короткая, либо *кердырся сьыланкыв* — песня, исполняемая на лесозаготовках (КНП, 1995, с.13). В разных локальных традициях зафиксированы варианты терминов, обозначающих тексты шуточного или сатирического содержания, функциональная предназначенность которых — эмоциональное маркирование тех или иных персонажей: *серам сьыланкыв* — шуточная песня, *нимтысян* — песня-дразнилка, *сѳрѳм сьыланкыв* — складно сочиненная песня-дразнилка; *тутѳ-патѳ* сьыланкыв — песня непристойного содержания со следующим текстом-квалификацией:

Тайб важъя сёрбм сълланкыы. Петір пиян дурачитлісны да. (Эта старинная шуточная песня. Дети Петра дурачились). Перевод А.К.Микушева (КНП, 1993, с.273).

Проявление самосознания, в том числе языкового, наиболее обостряется в ситуации “свое — чужое”. Это ситуации межэтнического общения, характерные и для коми традиции. Данная оппозиция лежит в основе метатекстов, характеризующих гетерогенность текстов: *sora* — смешанные русско-коми песни; *sorti-kostia* сълланкыв — 1-я часть куплета на русском языке, 2-я часть — перевод на коми (КНП, 1995, с.13). Представляется важным при изучении эпоса, в частности, ижмо-колвинского, генезис которого вызывал дискуссии в исследовательской среде, обратить внимание на тексты-квалификации, бытующие среди ижемских коми Зауралья. Эпические песни “Бöжа ку парка” (Горностаевый совик) и “Ыджыд Марка, дзоля Марка” (Большой Марка, маленький Марка) обозначаются как “*Яран мойд изъватас кылэн*” (ненецкая сказка на ижемском языке) (КНП, 1994, с.16). Таким образом, носители традиции осознают гетерогенность эпоса, аккультурацию, отмечают особенности и генезиса, и функционирования, различают оригинальные и заимствованные элементы, что является важным для дальнейших исследований, посвященных эпическим формам коми фольклора.

Столь же разнообразна и народная терминология, определяющая жанры детского фольклора (КНП, 1995, с.13).

Многие народные термины, например, “нöджкыв”, “нимкыв”, “нуранкыв” получили статус научного термина, таким образом, одним из способов создания научной терминологии является активизация, расширение сферы использования народных терминов. Более того, в целях адекватной характеристики локальной либо региональной культуры наиболее плодотворным является использование местной народной терминологии.

Именно народная терминология может быть важным источником реконструкции духовной культуры, так как еще В.Я.Пропп подчеркивал, что задача любого фольклориста — установить жанровый состав национального фольклора. В целях правильной номинации и квалификации жанров, адекватного прочтения текстов обращение к явлениям и фактам народной филологии, метаязыку ее — достаточно плодотворный подход.

Сокращения :

а) источников: КНП, 1993 — Коми народные песни: В 3-х т. - Сыктывкар, 1993. - Т.1; КНП, 1994 — Коми народные песни: В 3-х т. - Сыктывкар, 1994. - Т.2; КНП, 1995 — Коми народные песни: В 3-х т. - Сыктывкар, 1995. - Т.3; ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. - Сыктывкар, 1961;

б) диалектов и говоров коми языка: крч. — говор с.Керчемья; л. — лузский диалект; с. — сысольский диалект.

Литература

Бондалетов В.Д. Типология и генезис русских аргю: Учеб.пособие. -Рязань, 1987.

Владыкина Т.Г. Удмуртский фольклор: Проблемы жанровой эволюции и систематики. - Ижевск, 1998.

Виноградова Л.Н. Фольклор как источник для реконструкции древней славянской культуры // Славянский и балканский фольклор. - М., 1989.

История коми литературы: В 3-х томах. - Сыктывкар, 1979. - Т.1.

Лотман Ю.М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. - М, 1987.

Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. - М.: Наука, 1993. - 189 с.

Толстая С.М. Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектному словарю: К-П // Славянский и балканский фольклор. - М., 1986.

Толстой Н.И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. - М., 1982.

Цивьян Т.В. Лигвистические основы балканской модели мира. - М., 1990.